

© 1990 г.

В. В. ШВЕЦОВ

ЕЩЕ БЫЛ ЖИВ ЛЕНИН

ШВЕЦОВ Валерий Васильевич — аспирант Академии Общественных наук при ЦК КПСС. В нашем журнале публикуется впервые.

«Наше поколение и наш класс,— писала „Правда” в первом номере 1923 г.,— могут встречать действительно новый год. Каждый новый год приносит теперь новые задачи, новые надежды, новые разочарования, новые победы» [13, 3.01]. После семилетней военной мясорубки, голода, холода, тифа страна, находившаяся, по словам В. И. Ленина, в состоянии человека, избитого до полусмерти, напала медленно поправляться. И хотя жили трудно, «уплотненно», нередко поддерживая плоть и дух, как вспоминала Е. Я. Драбкина, только «жареной Н₂0», люди жадно тянулись к свету, к новой жизни. До революции лишь один человек из четырех умел читать и писать, но Ленин и большевики сказали, что неграмотный человек стоит вне политики, и многие тысячи рабочих и крестьян брали непослушными пальцами перо и неровными буквами выводили: «Мы не рабы...». Всего 3% из тех скучных средств, которыми она располагала, могла выделить страна на образование.

Это неудивительно. Не хватало самого необходимого: хлеба, одежды, топлива. Надо было как можно скорее заставить работать шахты, фабрики и заводы, наладить транспорт, увеличить производство сельскохозяйственной продукции. Основным рычагом экономического подъема в мелкокрестьянской стране могло стать только сельское хозяйство. Отменная жатва прошлого года давала основание для надежд. В данном случае политика партии большевиков и советского государства, новая экономическая политика, только способствовала высокому уровню. Высвобожденная из жестких рамок военного коммунизма, инициатива крестьян и предпринимателей благотворно влияла на развитие хозяйства на селе, мелкой промышленности и торговли.

Первой целью было достижение довоенного уровня. Через год после введения нэпа сбор зерна составил 75% довоенного объема; выпуск промышленной продукции достиг только 25, внешняя торговля — 14% [3, с. 29]. С этого времени начался медленный, но неуклонный подъем экономики. Однако нэп имел и другую сторону. Ленин сразу заметил, что с его введением противоречий в экономической действительности страны стало больше [1, с. 212]. Основной их источник состоял в необходимости добиться органичного сочетания, смычки новой социалистической экономики в лице государственной промышленности со старой мелкокрестьянской экономикой. Эту смычку надо было осуществить таким образом, чтобы сделать устойчивым, эффективным весь хозяйственный механизм, и одновременно — не потерять уже достигнутого. «Ни одного из старых завоеваний мы не отпадим,— подчеркивал Ленин в своем последнем публичном выступлении в ноябре 1922 г.— Вместе с тем, мы стоим перед задачей совершенно новой; старое может оказаться прямой помехой. Эту задачу понять всего труднее. А ее нужно понять,

чтобы научиться работать, когда нужно, так сказать, вывернуться совершенно наизнанку» [2, с. 305].

Понять действительно было чрезвычайно трудно, и, как оказалось, многим не под силу. Бескомпромиссность борьбы с царизмом, белогвардейцами и интервентами, оппортунистами в собственных рядах, кажущаяся легкость решения экономических вопросов в период «красногвардейской атаки на капитал» сформировали у многих большевиков определенный способ мышления и деятельности, характерными чертами которого являлись строжайшая дисциплина, централизация и единство, решительность и настойчивость в достижении цели. С другой стороны, окружающая действительность приходила в явное противоречие с выстраданными дорогими идеалами.

Каждый марксист знал, что осуществление социализма возможно только на базе высокоразвитой крупной промышленности, более высокой, по сравнению с капитализмом, производительности труда. Между тем, если легкая промышленность с введением нэпа начала стремительно развиваться, то отрасли, производящие средства производства, сырье находились в прежнем бедственном положении. Тяжелая промышленность больше всего пострадала от войн, машины и оборудование изношены, не хватало сырья, квалифицированной рабочей силы.

Из начавших работать предприятий многие были загружены наполовину и даже меньше, приносили убыток и, с экономической точки зрения, подлежали закрытию, что не делалось по политическим мотивам. К этому надо добавить, что капитализм, допущенный в рамках нэпа, не способствовал значительному улучшению положения рабочих в крупной промышленности. За год число безработных выросло в 2,5 раза, и к середине года составило 10% [8].

Неотлаженность хозяйственного механизма, неопытность и неумение рационально управлять производством привели к неправильной его организации. Во всех отраслях, за исключением химической, резко повысилось количество служащих по сравнению с количеством рабочих. Предприятия, не имея возможности быстрым темпом повышать производительность труда, зачастую шли более легким путем: произвольно повышали цены на свою продукцию. Многие тресты широко использовали нэпманов — посредников, нередко злоупотреблявших неопытностью их руководства и наживавшихся за счет государства. Надо, также, иметь в виду, что к началу 1923 г. государство занимало ключевые позиции только в оптовой торговле, в то время как 84% розничного товарооборота находилось в руках частных торговцев. Это позволило им за полтора-два года положить себе в карман, как считали некоторые экономисты, 200—300 млн. р. [4, с. 177]. Пройдя через руки нескольких посредников и торговую сеть, товар попадал к покупателю, имея цепу в несколько раз выше первоначальной. Причем, одновременно с повышением цен на промтовары, шло снижение их на сельхозпродукцию. Нередко, обойдя все лавки в округе, крестьяне возвращались домой, так ничего и не купив. Розничная торговля замирала, а на складах фабрик и заводов скапливался 2—3-месячный запас продукции. Закрывались магазины частников и кооператоров, промышленные предприятия. Из-за отсутствия денежных поступлений банки перестали давать кредиты, что вело к параличу и оптовой торговли. И без того невысокая заработка выдавалась рабочим крайне нерегулярно. К концу лета 1923 г. в Сормове, Харькове, Москве и других городах прокатилась волна забастовок.

Экономическое состояние страны усугублялось расстроенной финан-

совой системой, обеспечением рубля и вынужденной эмиссией бумажных денег.

С зимы 1922—1923 гг., когда появились первые симптомы неблагополучия в экономической жизни, руководители партии и правительства, теоретики и практики, стали задумываться над путями его преодоления. За множеством конкретных больших и малых вопросов вставал один принципиальный: отношение к нэпу, выбор кардинального направления восстановления хозяйства.

Н. И. Бухарин и А. И. Рыков, глубже других разобравшиеся и воспринявшие ленинскую идею нэпа, в первую очередь в экономическом плане, твердо стояли за дальнейшее ее существование на основе решений X и XI съездов партии. Л. Б. Каменев, больше действуя как политик, И. В. Сталин и Г. Е. Зиновьев, очевидно, не имевшие самостоятельных взглядов на этот счет, поддерживали их. За ними шло большинство ЦК партии.

Более или менее сплоченную группу критиков партийной экономической политики возглавляли Е. А. Преображенский, член коллегии Наркомфина, и Г. Л. Пятаков, зам. председателя ВСНХ. Делая основной акцент на отрицательных последствиях нэпа, считая первостепенной задачей подъем крупной промышленности, они стремились ускорить ее развитие путем концентрации, увеличения бюджетных инвестиций, что неминуемо вело к уменьшению выгод, предоставляемых новой системой хозяйствования крестьянству, а также усилению его налогового бремени.

Особую позицию, как это бывало и раньше, занимал Л. Д. Троцкий. Нэп не отрицал, неоднократно повторяя, что он «всерьез и надолго». В то же время постоянно подчеркивал его «подготовительный», чужеродный и преходящий характер. Известно, что еще в феврале 1920 г., по пути с Урала, Л. Д. Троцкий послал письмо в ЦК РКП (б), в котором предлагал произвести перемены в продовольственной и земельной политике партии. Некоторые ученые считают важным вопрос: могла бы реализация этих предложений привести к новой экономической политике в той ее форме, какую мы знаем? Ответ может дать «только исследование материалов Политбюро ЦК РКП (б)» [10, с. 124—125]. Думается, тщательный анализ предложений Л. Д. Троцкого уже в достаточной степени разъясняет дело.

Посылая предложения в ЦК, Л. Д. Троцкий исходил из того, что продразверстка толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности его семьи, не стимулирует расширение посевов, а, значит, и увеличение сельхозпродуктов. Часть рабочего класса вынуждена уйти в деревню и заводить там хозяйство для собственного обеспечения. Называя такое положение «хозяйственной деградацией», он считал необходимым осуществление четырех мер. Содержание первых двух — замена продразверстки «известным процентным отчислением», подоходным прогрессивным натуральным налогом; установление большего соответствия «между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством сыпанного ими хлеба», для чего предполагалось привлечь местную промышленность, частично расплачиваться с крестьянами за доставляемое ими сырье, топливо и продовольствие промышленной продукцией. Эти меры представляли собой некоторое ослабление нажима на кулака: «мы его держим в известных пределах, но не низводим на степень крестьянина, ведущего продовольственное хозяйство» [17, с. 544].

Но эти меры, в чем как раз и весь вопрос, должны были сопровождаться еще двумя: дополнением принудительной разверстки по ссылке

хлеба «принудительной разверсткой по запашке и вообще обработке» и лучшей организацией советских хозяйств, что Л. Д. Троцким квалифицировалось как «усиление тенденции в сторону колективизации сельского хозяйства». Смысл своих предложений Троцкий выразил следующим образом: «Усиливая советские хозяйства и общественную обработку земли по разверстке, мы более осторожно относимся к крестьянским верхам, до тех пор, пока не сможем центр тяжести продовольственной политики перенести на совхозы и общественную запашку» [Там же]. Таким образом, вполне очевидно, что предложения Л. Д. Троцкого, предполагающие введение дополнительных мер, характерных для периода военного коммунизма — принудительная запашка и т. д.— мало чем напоминали известную нам модель новой экономической политики.

Допуская, что успех революции в России зависит от правильного сотрудничества пролетариата и крестьянства, Л. Д. Троцкий подчеркивал, что базой их смычки может быть только дешевая продукция промышленности, систематически и планово организованной.

С другой стороны, русскую революцию Троцкий рассматривал как начало, первотолчок революции всемирной. Новая экономическая политика, говорил он в 1922 г., рассчитана на определенные условия пространства и времени: это маневрирование рабочего государства, живущего еще в капиталистическом окружении и твердо рассчитывающего на революционное развитие Европы.

«Новая экономическая политика есть только приспособление к темпу этого развития» [15, с. 487, 488]. Как и многие руководители партии, Л. Д. Троцкий надеялся на продолжение развития революционного процесса.

Из этого следовал вывод: «Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов. Главные бои впереди,— и, может быть, не так уж далеко» [12, 17, 10]. Такая позиция, естественно, требовала проведения хозяйственной политики энергичными и волевыми методами в ущерб методам экономическим, установления диктата промышленности («диктатура промышленности»), и не давала основы для устойчивой и стабильной работы, рассчитанной не на одно десятилетие.

Особенно резко разногласия между Л. Д. Троцким и большинством членов Политбюро и ЦК обнажились в период подготовки XII съезда партии, на котором он должен был делать доклад о работе промышленности. Представленные им тезисы подверглись обстоятельному обсуждению на пяти заседаниях Политбюро в феврале, марте и апреле, на двух пленумах ЦК — в феврале и марте 1923 г. Ф. Э. Дзержинский и Г. Я. Сокольников, входившие в комиссию по окончательной доработке тезисов, внесли ряд поправок. «Я опасаюсь,— отвечал, например, Ф. Э. Дзержинский,— что при настоящем положении Советской России идея диктатуры промышленности над сельским хозяйством с надеждой на базу для промышленности на иностранный капитал — чревата огромными политическими опасностями» [3, с. 873]. Л. Б. Каменев, при поддержке нескольких членов и кандидатов в члены Политбюро внес две принципиальные поправки о роли сельского хозяйства и партийном руководстве хозяйством. «Сельское хозяйство,— говорилось в первой,— несмотря на то, что оно все еще находится у нас на низком уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики Советской России... Не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области

экономической, так и в области политической, ибо неизбежно подрывало бы или ослабляло бы тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которые для данного исторического переходного периода являются одной из самых основных опор диктатуры пролетариата, и охрана и укрепление которых являются основным условием устойчивости Советской власти, а. следовательно, и основной задачей партии [3, с. 810-812].

Л. Д. Троцкий решительно возражал против этой поправки на том основании, что она якобы, носила «программный характер» и не соответствовала содержанию тезисов. Также обстояло дело и со второй поправкой, которая после долгих дебатов все-таки была включена в тезисы. Восла в окончательный проект тезисов и первая поправка, но в значительно измененном автором виде. Stalin в ультимативной форме потребовал от Троцкого внесения ее целиком, т. к. она была сформулирована Каменевым и одобрена Политбюро [Там же, с. 820]. За две недели до съезда (он начал работу 17 апреля 1923 г.) Троцкий отказывается читать доклад. Восемь членов и кандидатов в члены Политбюро обратились с письмом к Пленуму ЦК, в котором подробно излагалась суть разногласий с Л. Д. Троцким. Понимание им соотношения между промышленностью и сельским хозяйством в письме расценивалось как «совершенно определенная политическая ошибка», «недооценка роли крестьянства» [Там же, с. 817]. Позже Троцкий напишет в автобиографии, что поправка Каменева по сельскому хозяйству к его тезисам была даже не программной, не теоретической или политической, а провокационной. «Она должна была,— считал он,— дать опору для обвинений меня, пока еще за кулисами, в недооценке крестьянства» [14, с. 229]. Это без сомнения, точка зрения активного участника политической борьбы, проигравшего в ней, и потому вряд ли способного к беспристрастной оценке. Дело, конечно, не в том, что Троцкий был «врагом» крестьянства, каким его стали изображать позднее. Его взгляды объективно отводили крестьянству второстепенную, вспомогательную роль в экономике. В политике это могло привести к подрыву доверия к рабочему классу, угрозе раскола союза с ним.

Неоднозначной была позиция Л. Д. Троцкого и в вопросе отношений партии и госаппарата, в частности, хозяйственных работников. При обсуждении в Политбюро этой поправки к тезисам Троцкий не совсем понятно высказался за то, что партия должна «править, но не управлять». Чтобы партия «не измоталась» на этом пути, чтобы ее не постигло «ведомственное перерождение», предлагалось эффективнее использовать советские и хозяйственные органы для усиления и сплочения, повышать контроль в партийной и советской работе [Там же]. В то же время Троцкий считал необходимым более полное и систематическое проведение в жизнь резолюции XI съезда партии о разграничении партийной и советской работы, отказа партийных органов от частных и несогласованных ни с кем перемещений хозяйственных кадров, передачи функции их воспитания и продвижения компетентным хозяйственным органом [3, с. 814].

Эти предложения не являлись полностью неприемлемыми, но были признаны руководством партии ошибочными, хотя, как говорили сами авторы «Письма 8-ми», они долго сомневались, не преувеличена ли ошибка Л. Д. Троцкого. В нечетких формулировках Троцкого легко можно было найти лазейки для сменовеховских идей: «эмансипация» Советов от партии, «смягчение» ее руководящей роли. «Тов. Троцкий подает палец тем,— говорилось в письме,— кто добивается ликвидации руководящей

роли партии. Если т. Троцкий не исправит эту свою ошибку, то завтра эти элементы возьмут у него уже не палец, а всю руку» [4, с. 817]. Поэтому в резолюцию XII съезда партии вошла поправка Политбюро, в которой говорилось, что «в нынешний строительный, хозяйственный период революции руководство работой хозорганов в основных пунктах советского строительства является и должно являться основным содержанием работы партии» [5, с. 73]. Более того, как считали все члены Политбюро (за исключением Л. Д. Троцкого), с болезнью В. И. Ленина этому партийному органу еще больше придется играть роль «фактического правительства» [3, с. 818].

Даже если встать на точку зрения большинства тогдашнего Политбюро, необходимо признать, что успешно эту роль оно могло сыграть только при сохранении единства, согласованной работы. Если бы осознать всю меру ответственности, если бы суметь поставить Общее выше Личного... Для того, чтобы понять суть идейной борьбы в партии в 20-х годах необходимо учесть две ее различные, но взаимосвязанные стороны. Во-первых, различное понимание участниками путей удовлетворения интересов революции и социализма. Во-вторых, то, что характер этой борьбы «в значительной мере осложнялся и личным соперничеством в руководстве партии» [7, с. 396]. «Политические дебаты и борьба за власть были тесно взаимосвязаны,— отмечали в авторитетном на Западе труде Д. Хаф и М. Файнсод,— но определяла ли результаты политических споров борьба за власть или наоборот,— является вопросом, который исследователям еще предстоит решить» [19, р. 110]. Интригующий вопрос поставлен авторами, и, действительно, разрешение его многое прояснило бы в перипетиях нашей истории. Вряд ли когда-нибудь он будет освещен с достаточной полнотой, настолько тесно переплетены интересы дела и личные мотивы, политические причины и психологические побуждения, настолько тщательно претендентам на власть приходилось скрывать свои честолюбивые помыслы от партии, питающей глубокое отвращение к тем, кто личное ставил выше общего.

Отношения между членами Политбюро, особенно между Л. Д. Троцким и остальными были довольно сложными. В основе их лежало и фракционное прошлое первого, и разногласия кануна революции и гражданской войны, и несоответствие характеров и темпераментов. Ближайшее будущее покажет, что своими влиянием и авторитетом Троцкий во многом обязан поддержке Ленина. Однако несомненный ораторский и публицистический дар, активное участие в революции, создании и руководстве Вооруженными силами Советской республики, ставило его в ряд выдающихся деятелей партии и государства. Многие думали, что позиция Троцкого достаточно прочна.

Остальные члены Политбюро, прежде всего, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и И. В. Сталин, как наиболее опытные партийные работники, относились с известным подозрением к властности и самомнению Троцкого. Они опирались на широко распространенное убеждение в том, что партия еще не воспитала человека, способного единолично заменить Ленина. А вопрос о замене, учитывая характер болезни Ленина, особенно после первого удара в мае 1922 г., мог встать в любой момент. Именно к этому времени сам Л. Д. Троцкий относил возникновение идеи «тройки» (Сталин — Зиновьев — Каменев) и начало ее действий [14, с. 209, 227]. Первым столкновением Л. Д. Троцкого с большинством Политбюро надо, по-видимому, считать спор об увеличении численности ЦК, что было предложено В. И. Лениным в качестве меры против раскола перв-

типа. На февральском (1923 г.) Пленуме ЦК Троцкий категорически возражал против расширения состава ЦК. Он обращался к членам Политбюро: «Очень опасаюсь, что расширением практически руководящего центра партии до 50 человек мы рискуем лишить этот центр необходимой оформленности и устойчивости» [3, с. 848]. Он выдвинул свой план реорганизации ЦК, предлагая оставить его в прежнем количестве или даже несколько сократить, а для проверки его работы создать новый орган — «Совет партии», избираемый на съезде и дающий обязательные для ЦК директивы. Основные пункты этого плана поддержал А. П. Рыков.

Трудно сказать, к чему могла бы привести эта мера, но то, что она была предложена Троцким, совсем недавно выступившим инициатором «перетряхивания» профсоюзов, а также то, что она шла вразрез с указаниями Ленина, лишила ее всякой силы. Большинством голосов план Троцкого был отвергнут. Едва переносивший критику только от одного человека в партии — Ленина — Троцкий не удержался, чтобы не бросить ряду присутствующих на Пленуме обвинения в том, что их позиция по обсуждавшемуся вопросу продиктована задними мыслями и политическими ходами. Пленум высказался за недопустимость подобной постановки вопроса.

Вторая вспышка, о которой уже говорилось, произошла накануне XII съезда партии. И снова Л. Д. Троцкий настаивает на своей правоте; поправки, внесенные к его тезисам о промышленности, являются политическим ходом, а не решением, «вызванным действительной готовностью внести некоторые перемены в управление хозяйством» [Там же, с. 816].

Не сказалась ли в этом случае черта Троцкого, подмеченная американским анархистом А. Беркманом во время встречи в США в начале 1917 г.? «Он произвел на меня впечатление человека скорее сильного по натуре, чем по убеждению, который мог остаться непреклонным даже в том случае, если чувствовал себя неправым» [18, р. 90]. Насколько Троцкий был неправ, отвергая поправки, уже с большей или меньшей уверенностью можно судить, но какова доля истины в обвинениях в маневрировании вокруг него, сказать непросто. Скорее всего оно увеличивалось по мере того, как сам Троцкий давал к нему поводы. «Триумвират» четко подметил и с успехом воспользовался «ахиллесовой пятой» Троцкого — самоуверенностью и нетерпеливостью в достижении цели, излишней запальчивостью. Одновременно выковывалось главное оружие против него — «ленинизм», в том виде, в котором его понимал «триумвират».

Однако у обеих сторон еще хватало благородства, чтобы не выставлять перед партией напоказ свои распри. Когда перед съездом врачи предупредили об острой угрозе жизни Ленина, в губкомы было разослано написанное Троцким специальное обращение ЦК о том, что между его членами нет никаких разногласий.

На XII съезде партии «трумвират» повел сильную атаку на Троцкого. Г. Е. Зиновьев, выступивший с политическим отчетом, не называя его имени, говорил, что гораздо «легче написать книгу о том, что нужно сразу ввести электрификацию, сразу поднять промышленность на ноги, прокламировать „диктатуру промышленности“ и т. д. А наш Владимир Ильич учил в 1921 г. о том, что начать надо с крестьянского хозяйства и мелкой окрестной промышленности, а потом идти дальше... нэп не был... просто применением методов "калькуляции". Тов. Ленин был совершенно прав, говоря, что нэп был и остается системой государственного капитала».

лизма, проводимой прежде всего для того, чтобы установить настоящую смычку между пролетариатом и крестьянством» [3, с. 27, 29].

Между тем, рост рабочих волнений в стране, недовольство крестьян высокими ценами на промтовары требовали от партийного руководства принятия срочных мер. По инициативе Политбюро и ЦК партии в сентябре 1923 г. созданы комиссии по «ножницам» цен, но зарплате и по внутрипартийному положению. Они должны были изучить положение дел по своим направлениям и представить в ЦК предложения. Вопрос о комиссиях решался на Пленуме ЦК 23 сентября. Л. Д. Троцкого, автора термина «ножницы», включили в первую комиссию, но он считал эту работу никчемной. Все его помыслы были обращены к Германии, где назревали революционные события, которые являются, как думали многие, продолжением русской революции. После оккупации Рура французскими войсками, пришел к выводу Троцкий, у немецкого рабочего класса появилась уникальная возможность, используя патриотические чувства, поднять народные массы на борьбу и с оккупантами и с собственной буржуазией. Советская республика, прежде всего большевистская партия и Красная Армия, должны при первой необходимости прийти к ним на помощь. По этому вопросу разногласий в руководстве РКП (б) не было. Может быть именно с целью усилить высший военный орган перед надвигающимися событиями Г. Е. Зиновьев внес на Пленуме предложение ввести в Реввоенсовет республики, председателем которого был Л. Д. Троцкий, И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова или М. М. Лашевича. Явным было при таком раскладе и ослабление позиции Л. Д. Троцкого в Реввоенсовете. Можно предположить также, что это стало шагом к устраниению И. В. Сталина с поста генсека ЦК. (На XIV съезде партии говорилось, что в январе 1925 г. Л. Б. Каменев прямо предложил назначить И. В. Сталина председателем Реввоенсовета, что, конечно, было бы несоставимо с исполнением им обязанностей генерального секретаря) [6, с. 484]. Но то, что удалось Сталину на XII съезде партии, у Зиновьева закончилось фарсом, хотя его единомышленник М. М. Лашевич и вошел в Реввоенсовет.

Л. Д. Троцкий уязвленно реагировал на это предложение. Он заявил, что в знак протеста подает в отставку со всех постов: наркомвсена, председателя Реввоенсовета, члена Политбюро и ЦК. Он попросил послать его в Германию как «солдата революции» для оказания помощи немецким рабочим. Это не было актом отчаяния. Позднее Троцкий вспоминал, что ЦК КПГ единогласно решил просить Политбюро РКП (б) послать в Германию одного из его членов, «каковом его товарищем Т.», которого бы они хорошо знали, для руководства решающими событиями, которые вот-вот должны были произойти [20 р. 379].

Неожиданно Г. Е. Зиновьев предложил, чтобы в Германию послали его. Тогда вмешался И. В. Сталин и резонно заметил, что Политбюро не может остаться без двух своих выдающихся членов так же, как не может принять отставку Л. Д. Троцкого. Он отказался от личного представительства в Реввоенсовете.

Троцкий понял, что остался ни с чем, и замечание одного из присутствующих об обязательном подчинении партийной дисциплине окончательно вывело его из себя. Он демонстративно ушел с Пленума

Через две недели члены Политбюро получили письмо от Л. Д. Троцкого, в котором в развернутой форме давалась критика их руководства хозяйством и внутрипартийными делами. В письме обращалось внимание на, то, что образование фракционных группировок в партии (речь

шла о группах «Рабочая правда» и «Рабочая группа») стало возможным из-за нездорового режима в партии и неудовлетворения рабочих и крестьян тяжелейшей экономической ситуацией, которая сложилась не только в результате объективных трудностей, но и вопиющих ошибок в экономической политике. К последним Троцкий относил игнорирование принципа планирования, принятие Политбюро решений по экономическим вопросам без предварительной подготовки и предполагаемых последствий, т. е. прогнозирования. Он считал, что национализированная промышленность принесена в жертву не подчиненной плану самодовлеющей финансовой политике. Отсюда следовало, что создание комиссии по ценам не имело никакого смысла. Выход из положения Троцкий видел единственно в «рационализации» государственной промышленности. Основные экономические аспекты письма отражали его взгляды, высказанные накануне XII съезда. В какой-то мере они уже известны читателю. Поэтому есть смысл более подробно задержаться на политических, внутрипартийных проблемах.

Одна из главных тем письма — режим, установившийся в партии еще до XII съезда, который был «гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов военного коммунизма» [13, с. 163]. Признавая, что полная рабочая демократия невозможна при диктатуре, он считал, что давление времен военного коммунизма должно уступить место более живой и широкой партийной ответственности.

Явно учитывая и личные интересы, Троцкий обрушился на принцип назначения (а не выборов) партийных работников, особенно секретарей губернских и уездных комитетов. Он писал, что даже в самые суровые военные годы система назначений в партии не достигала и одной десятой того размаха, какого она достигла теперь.

Методы отбора секретарей привели к невиданной бюрократизации партийного аппарата, продолжал Троцкий, образовался широкий слой партийных работников, глухих к мнению партийных масс, считающих, что иерархия секретарей, аппарат формируют решения и мнение партии. Для массы рядовых членов партии эти решения предстают уже в виде готовых распоряжений и команд.

В конце письма Троцкий предупреждал, что раньше, когда он в течение полутора лет вел борьбу с «неправильной политикой», он не выносил спорные вопросы за рамки ЦК, но поскольку это не принесло результатов и угрожало партии «кризисом исключительной остроты», он освобождает себя от этого самоограничения.

Проблемы внутрипартийного развития, поднимаемые в письме, не были неожиданным откровением. Перед XII съездом И. Стуков в своих «Предсъездовских заметках» (дискуссионный листок «Правды» № 2) размышлял о том, что для мирной строительной эпохи партия оказалась «субъективно менее подготовленной, менее дееспособной, чем для периода гражданской войны», что специфической чертой обстановки в партии является «отсутствие в должной мере развернутой внутрипартийной демократии» [12, 24.03].

На съезде Е. А. Преображенский, говоря о широком применении назначений, заметил, что около 30% секретарей губкомов «рекомендованы» ЦК [3, с. 146].

О мертвящем воздействии бюрократизма на работу госучреждений, проникновении его в партийную среду и разлагающем влиянии на работников говорили многие, и, в первую очередь,— В. И. Ленин. Не отрицали таких явлений и представители большинства в Политбюро и ЦК.

Но Троцкий связал все недостатки партийной работы с политикой, руководством этого большинства, что выглядело вызовом с его стороны.

В своем письменном ответе члены Политбюро заявили, что за всей неудовлетворенностью и раздражением автора письма, его нападками на ЦК вот уже в течение нескольких лет, лежит стремление встать во главе промышленного строительства страны. Но, как говорилось далее, Троцкий являлся членом СНК и СТО, Ленин предлагал ему пост заместителя председателя СНК. На этих постах, работая на глазах у всей партии, он мог бы пользоваться практически неограниченной властью в области промышленности и военного дела. Ему ставилось в упрек то, что он предпочел другой способ действий: не посещал заседания СНК, СТО, отказался быть заместителем Ленина.

Назывались и другие слабые места в позиции Л. Д. Троцкого, например, его же собственные слова, сказанные чуть менее двух с половиной лет назад на расширенном пленуме Центрального Комитета о том, что «назначенство» есть «перераспределение сил на определенные посты». «Отрицать этот метод и вести борьбу против назначенства,— доказывал Л. Д. Троцкий,— противопоставляя ему метод выборности, значит забывать классовую природу государства...» [16, с. 414]. И далее: «то, что называется приказывать, назначать сверху,— все это находится в отношении обратной пропорциональности с развитостью масс, с их культурным уровнем, политической сознательностью и с силой наших аппаратов...» [Там же, с. 422]. Внимательно слушавшие речи, читавшие статьи Л. Д. Троцкого люди могли спросить его: настолько ли повысился культурный уровень масс за это время, чтобы принцип назначений лишился всякой основы? И не себя ли высекал Троцкий той давней розгой, когда говорил: «единого центрального аппарата нигде никогда не было, образцов нет, и здесь, в этих трениях, в несогласованности нужно уметь видеть, понять переходную форму, которую нужно преодолеть дальнейшими усилиями, а не становиться в стороне и говорить: „бюрократия“» [Там же, с 416—417]. Письмо Л. Д. Троцкого от 8 октября, хотя и было написано авторитетным членом Политбюро, выражало все-таки мнение одного человека. Но через неделю в Политбюро поступил еще один документ, получивший впоследствии известность как «Письмо», «Заявление», «Платформа 46-ти». По содержанию, духу и даже языку он имел много общего с письмом Л. Д. Троцкого. «Начавшийся с конца июля этого года финансовый и хозяйственный кризис— говорилось в заявлении,- со всеми вытекающими из него политическими, в том числе внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партии как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

Случайность и необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы, при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство или вернее, на отсутствие всякого руководства,- не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов но перед тяжелым общеэкономическим кризисом» [4, с. 9].

Негативные тенденции в партии авторы также объясняли исключительно неправильным руководством, «фракционным режимом» большинства, его нежеланием допускать большую демократию, развитие критики

В качестве практической меры (к сожалению, единственной) предла-

гался немедленный созыв совещания членов ЦК с наиболее видными и активными партработниками, придерживающимися других, чем у большинства ЦК, взглядов.

Заявление подписали 46 известных партийных и государственных деятелей. Текст в целом только трое — Преображенский, Бреслав и Серебряков. Другие сделали оговорки, причем некоторые из них весьма существенные. Так или иначе, ото было уже серьезно: не один человек, а группа, представляющая не только нескольких членов ЦК, но и местных руководителей заявила об осуждении экономического и политического курса большинства. Оценивая позднее этот документ, Л. Б. Каменев на XI Московской губернской партконференции объяснил, что большинство восприняло его как «точно сформулированный, выдержаный в соответствующих политических тонах, обвинительный акт против ЦК не по поводу того или другого шага, той или другой меры той или другой ошибки, а прямое обвинение в неправильности основной политики, гибельном ее продолжении...» [11, с. 6]. Л. Б. Каменев оценивал ситуацию так; Политбюро предъявлено тяжкое обвинение, «ЦК был посажен на скамью подсудимых». Если обвинения действительно справедливы, то терпеть такое ЦК нельзя. Большинство же было уверено в своей правоте. Решать должна вся партия, но вынести вопрос на широкое обсуждение в условиях назревавших революционных событий в Германии не представлялось возможным.

Поэтому созвали Пленум ЦК совместно с ЦКК (впервые в истории партии), пригласили на него по два представителя от 10 крупнейших промышленных парторганизаций и допустили для участия в работе 10 авторов «Заявления 46-ти». Объединенный Пленум ЦК и ЦКК проходил 25—27 октября 1923 г. Доклад о внутрипартийном положении в связи с письмом Л. Д. Троцкого и «Заявлением 46-ти» сделал И. В. Сталин. С фактическим содокладом от оппозиции выступил Л. Д. Троцкий. Он заявил, что заранее ознакомился с заявлением, поддерживает в нем все, кроме некоторых резких выражений. Присутствующим стало ясно, что раскол ЦК близок как никогда.

Из этого следовало, что ошибочность взглядов Л. Д. Троцкого и 46-ти надо было доказать во что бы то ни стало. Это и предопределило характер дискуссии. Атмосферу, царившую на ней, в какой-то степени отражает письмо Н. К. Крупской Г. Е. Зиновьеву, отправленное сразу после Пленума. Обстановка на нем так накалялась, что выступавшие порой выходили далеко за рамки партийной товарищеской этики, допускали бес tactные и безответственные выпады, как, например, Г. И. Петровский, обвинивший Л. Д. Троцкого в болезни В. И. Ленина. «...Во всем этом безобразии,— писала "Н. К. Крупская,—...приходится винить далеко не одного Троцкого. За все прошедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие... Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов» [9, с. 201]. В письме говорилось о недопустимости злоупотребления именем В. И. Ленина и подчеркивалось, что «больше всего В. И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В. И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других» [Там же, с. 202].

В принятом 102 голосами при 2 против и 10 воздержавшихся постановлении Пленум признал выступление Л. Д. Троцкого с письмом от

8 октября политически ошибочным, что «объективно приняло характер фракционного выступления, грозящего нанести удар единству партии и создающего кризис партии». Заявление 46-ти было расценено как «шаг фракционно-раскольнической политики, принявший такой характер хотя бы и помимо воли подписавших это заявление» [5, с. 142]. Одновременно Пленум одобрил намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию и признал необходимым ускорить работу комиссий по «ножницам», по заработной плате и по внутрипартийному положению, назначенных Политбюро и сентябрьским Пленумом ЦК.

Было также решено не разглашать письмо Л. Д. Троцкого, Заявление 16-ти и постановление октябрьского Пленума по ним. Но мера эта, очевидно, запоздала, т. к. тексты первых двух документов уже достигли некоторых парторганизаций на местах, их использовали активные члены формирующейся оппозиции, у которых они были на руках. Поэтому большинству не оставалось ничего другого как открывать широкую дискуссию по поднятым вопросам на страницах партийной печати. Нарастая как снежный ком, дискуссия перешла в первичные парторганизации. Расширился и конкретизировался круг обсуждаемых проблем: речь о роли и соотношении аппарата и партии, о единстве партии и фракционности, о смене партийных поколений, о диалектике преемственности и новизны в партийной жизни. Описание ее заслуживает, конечно, особого разговора. Отметим только, что оппозицию поддержали 40—30 тыс. коммунистов из 472 тыс. членов и кандидатов, насчитывавшихся к тому времени в партии. Итоги дискуссии подвела XIII партийная конференция.

В. И. Ленин, как вспоминала Н. К. Крупская, внимательно следил за ходом дискуссии, а затем и за работой конференции. Он очень волновался, когда слушал резолюции. Через три дня после закрытия конференции Ленина не стало...

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. VII Московская губпартконференция 29-31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике 29 октября // Поли. собр. соч. Т. 44.
2. Ленин В. И. Речь на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. // Поли. собр. соч. Т. 45.
3. Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968.
4. Дискуссия 1923 года. Материалы и документы. М.-Л.: Госиздат, 1927.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1984.
6. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18-31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.-Л., 1926.
7. Горбачёв М. С. Избранные статьи и речи. Т. 5. М.: Политиздат 1989
8. Известия. 1923. 11 июля.
9. Известия ЦК КПСС. 1989. № 2.
10. Историки спорят. Тринадцать бесед. М.: Политиздат, 1989.
11. Каменев Л. Б. Парстроительство и наша экономическая политика. Доклад и заключительное слово на XI Московской губернской конференции РКП М.: Красная новь, 1924.
12. Правда. 1923.
13. Сталин И. В. Соч. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1949.
14. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. II. Берлин: Гранит, 1930
15. Троцкий Л. Д. Пять лет Коминтерна. М.-Л.: Госиздат 1925
16. Троцкий Л. Д. Соч. Т. XV. М.-Л.: Госиздат 1927
17. Троцкий Л. Д. Соч. Т. XVII. Ч. II. М.-Л.: Госиздат 1926
18. Berkman A. The Bolshevik Myth (Diary 1920-1922). New York: Boni and Liverigl.t,

19. Hough G. and Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. Cambridge (Mass), and London: Harvard university press, 1980.
20. Writings of Leon Trotsky (1930-1931). Ed. by George Breitman and Sarah Lovell. New York: Pathfinder, 1973.